

Человек,
который
помнил тебя

Мэри Дрим

18+

Мэри Дрим

Человек, который помнил тебя

<https://litres.ru/73960939>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он помнил её.

Весь мир — нет.

Старая тетрадь стала порталом в прошлое, где она ещё жива.

Девяносто четыре попытки спасти любимую — и одно решение, которое изменит всё.

Повесть о любви, памяти и выборе.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мэри Дрим

Человек, который помнил тебя

Пролог

Если бы мне кто-то сказал пару лет назад, что я попаду в такую заварушку, — я бы никогда не поверил.

Я вообще не из тех, с кем случаются заварушки. Я программист. Я пишу код, пью кофе и стараюсь, чтобы всё в моей жизни работало предсказуемо. У меня есть друг, который слишком громко смеётся. У меня есть собака. У меня была жена.

Вот в этом-то всё и дело. В слове «была».

Потому что однажды я проснулся — и её не стало. Не в том смысле, что она ушла, собрала вещи и хлопнула дверью. Нет. Её просто не существовало. Никто о ней не помнил. Ни её родители, ни мои друзья, ни весь этот мир — никто. Кро-

ме меня.

Сначала я думал, что схожу с ума. Это было бы самым простым объяснением. Но потом я нашёл дневник — её дневник, написанный её рукой, в котором были описаны моменты, которые я помнил. И оказалось, что я могу возвращаться в эти моменты. Проживать их заново. Менять.

Я пытался её спасти. Девяносто девять раз. Девяносто девять смертей. Девяносто девять возвращений в пустую квартиру.

Это не история о путешествиях во времени. Не совсем. Это история о том, как любовь может стать петлёй. Как память может стать тюрьмой. И как иногда единственный способ спасти человека — это отпустить его навсегда.

Меня зовут Марк Гулов. И это история о том, как я потерял женщину, которую помнил лишь я один, — и как она нашла меня, когда я перестал искать.

Глава 1

Мне снился снег.

Нет, не такой колючий и холодный, как бывает обычно зимой, а мягкий и очень пушистый, даже на удивление тёплый. Я стоял на улице около входа в бар «Трюм» — мы там часто засиживались с Кириллом, поэтому я знал точно место, у которого стоял. Я хотел потянуться к ручке двери и услышал голос — нежный, звонкий и чистый, он пел какую-то песню, но я не мог разобрать слов. Я сделал глубокий вдох морозного воздуха, начал открывать дверь — и проснулся.

Комната встретила меня тишиной.

Тишина бывает разной. Она бывает уютной — это как воскресное утро, когда ты укутался в тёплое пушистое одеяло зимним утром и ты знаешь, что сегодня некуда бежать, не нужно спешить. Бывает напряжённой — это как в серверной, которая секунду назад работала, а потом резко легли все сервера разом. А бывает такой, когда она давит тебе на барабанные перепонки и слышится, как ток или кровь бежит

по жилам.

Я проснулся именно от такой тишины.

Не от лая Рича, который всегда будил ровно в семь утра, скребя ногтями по двери нашей спальни. Не от Сашиного голоса — она обычно напевала в душе или на кухне, пока готовила завтрак. Не от шагов босых ног по ламинату и даже не от будильника, который я всегда ставлю на семь утра в будний день на работу, — а от тишины. Она стояла в комнате, как вода в переполненной ванне, — тяжёлая и давящая, готовая выплеснуться через край от любого резкого движения.

Я лениво перевернулся на другой бок, ещё не в силах открыть веки, и протянул руку в другую часть кровати. Ладонь легла на холодную простыню. Я моментально открыл глаза.

Простыня на другой половине кровати была без единой складки и вообще без какого-либо намёка, что на ней кто-то спал.

— Саш?

Голос прозвучал очень тихо, как будто говорил в подушку. Никто не отзывался.

— Саша!

На этот раз я сказал громче, садясь и облокачиваясь на руки. Ответа так и не последовало.

Я встал с кровати на ноги и прислушался. Тишина была давящая, ни звона посуды, ни музыки, которая обычно играла на кухне — обычно она играла не громко, но её было слышно даже в комнате.

Я потянулся и пошёл по пустой квартире в сторону кухни. В окнах ещё было темно, только фонари освещали ещё не проснувшийся город. На улице шёл снег — я видел это по тому, как свет от фонарей дрожал на стене.

Я зашёл в зал. Посередине, напротив большого телевизора, стоял диван, который при желании мог уместить и девять человек. Перед диваном — журнальный столик. Я огляделся: у стены стоял книжный шкаф, он был почти пустой. Странно. Саша же почти забила полки книгами. Было как-то необычайно пусто. Раньше здесь, в уголке у окна, стояла гитара и столик — Саша обычно писала здесь свои песни, ей нравилось, что в зале было много места.

Я посмотрел на большие круглые часы на стене. Они показывали 7:30. Тиканье часов привело меня в чувство, я на-

чал осматривать квартиру.

Зашёл на кухню и увидел большую чёрную кружку, которую мне подарил Кирилл. Она одиноко стояла на столе, хотя я точно помнил, что вчера мы пили с Сашей кофе вместе. Но её кружки не было.

Пройдя в ванную комнату, которая при включении в ней света немного ослепила меня, в стакане на раковине была только одна зубная щётка. Ещё вчера их было две — моя синяя, её зелёная. «Зелёная — цвет жизни», — сказала она однажды, улыбаясь так, будто ребёнок, который увидел любимую сладость. Если честно, я на неё так засмотрелся, что забыл, что хотел сказать.

В груди немного защемило, и я уже не ходил, а бегал по квартире так, будто меня облили кипятком. Залетел в спальню, чуть не рухнув на входе, забыв про порог. Кровать была пустой, одеяло почти сползло на пол — я забыл её заправить, да это самое последнее, о чём я думал. Мой стол чуть поодаль кровати, с ноутбуком на нём и офисным креслом, на которое я покидал вещи в надежде разобрать их сегодня. Я подбежал к шкафу, который стоял по левой стороне от кровати, — там висели вещи, но только мои. Я ещё раз проверил. Нет, из её вещей не осталось ничего — ни свитера, ни платьев.

Я вздохнул, не понимая, что происходит, и пошёл в коридор. Он встретил меня пустыми стенами, только на входе стояла настенная вешалка, где висело моё пальто. Оглядевшись ещё раз, я заметил, что нет ни лежанки, ни тарелок Рича. Тут меня и обуял страх, и накрыла паника.

— Если это розыгрыш на годовщину, то вообще не смешно! — шёпотом сказал я, но в тихой комнате это прозвучало громче, чем я планировал.

Не помню, как я добрался до кровати и схватил телефон. По памяти набрал номер Саши. Почти сразу женский голос электронного оператора ответил: «Неправильно набран номер». Я посмотрел удивлённо на телефон. Номер точно был набран правильно, забыть его было бы преступлением. Попробовав снова — результат не изменился.

В голове мелькнула мысль, что, возможно, Кирилл в курсе, что тут происходит. Не смотря в телефон, я набрал его номер. Послышались гудки. На удивление, он взял трубку после третьего гудка.

— Марк, ты чего в такую рань звонишь? Нам сегодня только к двенадцати на работу, — пробормотал он сонно, иногда зевая на словах.

— Не смешно, — сказал я немного огрубевшим голосом.
— Где Саша? Если это пранк, он мне заранее не нравится.

— Гулов, если ты разбудил меня ради утреннего бреда, то я тебя придушу. Или ты своим кодам уже имена даёшь? Так папочка может тебе помочь, — и он хихикнул.

— Какой к чёрту код, ты точно не пил вчера? — я выдохнул, мысли крутились вихрем в голове. — Кирюх, я серьёзно, где моя жена?

Повисло долгое и неловкое молчание. Я присел на диван и начал дёргать ногой, как барабанщик, который наступает на ножную педаль.

— Твоя кто? — выдавил Кирилл явно удивлённо.

— Жена, — у меня, кажется, начал дёргаться глаз.

И снова пауза, но не такая долгая, а после я услышал смех — не нервный, а достаточно искренний. Обычно я слышал его, когда нёс откровенную чушь.

— Марк, — слышно было, как он пытается говорить сквозь смех, — у тебя не то что жены, у тебя и девушки-то

никогда не было. Сколько тебя помню, а знакомы мы сколько — лет пять?

— Вообще-то шесть, — поправил его тут же.

— Ну шесть. И за все шесть лет у тебя из женщин была только мама по выходным, тётя-кадровик с ресепшена да я, когда ты напивался и начинал жаловаться на жизнь. Какая жена? Ты вообще себя слышишь?

Голова шла кругом. Я прикрыл глаза и потёр переносицу пальцами. Я понимал, что он не лжёт. Кирилл, конечно, тот ещё балбес, но не лгун, да и было бы понятно по голосу. Я сделал вдох.

— Марк, — голос Кирилла резко стал серьёзным, — ты в порядке? Я могу приехать?

— Не нужно, — я выдавил слова из недр своей души.

— Точно?

— Точно. Я позже позвоню.

Я резко нажал кнопку сброса и кинул телефон на диван. Что мне нужно сделать? Позвонить в полицию? Её родите-

лям? Что обычно делают, когда человек будто испаряется? Думай, Гулов, думай!

И только тут я заметил, что кольцо, которое я так тщательно выбирал, боясь промахнуться с размером, с банальной гравировкой «С.Ж. — М.Г. Навсегда» — Саша Жимова, Марк Гулов, — исчезло с моего пальца. И не просто исчезло, а такое чувство, как будто его вообще не было.

Выдохнув сильнее, чем положено, и оглядев как будто незнакомый мне зал, я взял телефон в руки и зашёл в соцсети. Набрал имя Саши в поисковике. Поиск результатов не дал — я цыкнул.

— Как, чёрт возьми, человек просто исчез? — выругался я и полез в галерею в надежде, что, может быть, там ещё что-то осталось. Надежда умирает последней, как говорится, и моя только что рассыпалась в прах.

Я открыл галерею. Фотографии были — обычные, повседневные. Я листал их, и с каждым снимком внутри разрастался холодный, липкий испуг.

Вот мы с Кириллом в баре. Он показывает два пальца, я сижу с ноутбуком и хмурюсь. Я не помнил этого момента. Вообще. Вот Алиса корчит рожу на фоне граффити — когда

мы ездили смотреть стрит-арт? Мы вообще куда-то ездили? Вот Сёма с пиццей размером с автомобильное колесо, Женя в наушниках показывает язык. Вот мы на крыше офиса — Кирилл внезапно повис на мне, я отвлёкся и смотрю куда-то в сторону, а он хохочет мне в ухо. Сёма, судя по ракурсу, снимал.

Я не помнил ни крыши, ни повода, ни того, как мы там оказались.

Снимки выглядели настоящими. Живыми. Но ощущение было такое, будто я листаю чужой альбом. Будто кто-то вложил мне в голову эти изображения, и теперь они лежат там, как чужие письма в чужом почтовом ящике. Что это за фотографии? Откуда они? Я вглядывался в каждую, пытался уцепиться за деталь, за край, за что-то знакомое — и не находил ничего.

Ни одной фотографии с Сашей. Ни одной.

Я отложил телефон, подошёл к окну и отдернул штору. Улица была засыпана снегом. Дворник скрёб тротуар лопатой. Машины стояли припорошенные. Мир за окном был обычным. Только для меня он стал кошмаром.

Хоть была и пятница, я не смог заставить себя пойти на

работу. Позвонил Сёме. Когда начальник уезжал в очередную командировку, он оставлял Сёму за главного как самого ответственного человека в нашей группе — он даже заявление на отпуск мог подписать, настолько он был крут, — и я сказал, что мне плохо и сегодня поработаю из дома. Он, конечно, побухтел, что я звоню ни свет ни заря, но сказал, что предупредит всех.

Остаток дня я не помню, как провёл, потому что описание, что я провёл его как в тумане, будет неправильным. Я провёл остаток дня в панике: бродил по квартире как неприкаянный дух, залипал в окно, даже пытался поесть — честно, только вот еда никак не лезла, будто поперёк горла вставала.

В течение дня мне ещё пару раз позвонил Кирилл удивительно, в своём ли я уме и светлой ли ещё памяти. Придурак. И без него было тошно.

К вечеру я просто сидел на диване, уставившись в одну точку. За окном стемнело. Снег всё не прекращался — он шёл и шёл, заматывая город, заматывая мою прежнюю жизнь. Я чувствовал себя так, будто меня вырезали из реальности — как будто это не Саша исчезла, а я сам остался где-то за скобками, в черновике мира, который никто не удосужился дописать.

День второй. Суббота. Я проснулся с той же пустотой внутри — она стала привычной. За сутки одиночества я как-то начал ловить себя на мысли, что это даже немного приятно.

Тишина стояла такая же плотная, как вчера. Я полежал, глядя в потолок, потом встал и, не завтракая, снова начал искать. Вчерашний обыск не дал ничего, но я должен был попробовать ещё раз. Должен был найти хоть что-то.

Ничего.

Я позвонил ей — точнее, попытался. Послышался голос по ту сторону, электронный и уже начинавший меня злить: «Неправильно набран номер». Я написал в службу поддержки её оператора — может, ошибка в базе. Ответ пришёл через час: «Указанный номер никогда не был зарегистрирован в нашей сети». Никогда. Это слово впечаталось в мозг, как строка кода, которую нельзя исправить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.